

Эрозия идентификации и социальные напряжения в регионах

Я бы хотел продолжить сопоставление положения в столицах и регионах России, начатое Ю.А.Левадой. Понятно, что у нас не только общий материал опросов, проводимых во ВЦИОМ, но и близкие теоретико-методологические позиции, согласованные в ходе совместной работы. Основа их — понимание социальной специфики центра и периферии, их структуры и функций, обуславливающих временную организованность социального поведения и взаимодействия, их типологическую разнофазовость. К сожалению, тема, выдвинутая организаторами нынешней конференции Интерцентра — региональная специфика развития России, — практически не получила еще своего развития в большинстве уже сделанных в эти дни докладов. Поэтому представляя вашему вниманию этот материал, я должен сделать несколько оговорок.

Строго говоря, анализ региональной специфики при той технологической схеме, которая принята во ВЦИОМ, характере построения и объеме выборок, получаемой дисперсии точек опроса и проч., не может считаться вполне корректным. Несмотря на то, что во ВЦИОМ эти показатели наилучшие среди всех исследовательских центров и организаций, ведущих массовые исследования общественного мнения, все же мы сознаем ограниченность собственных возможностей и крайнюю условность возможных региональных сопоставлений. Достигаемая репрезентативность данных на общероссийском уровне не может переноситься на уровень регионов, даже укрупненных (как они обычно выделяются у нас в "Мониторинге" — обе столицы, Юг, Север, Сибирь и Дальний Восток, Урал и Предуралье). Это остается *значимым*, разумеется, и для более дробного разбиения, которым пользовался Ю.А.Левада, опиравшегося на базу данных объединенного массива опросов типа "Экспресс" (12 условных регионов, в каждом из которых опрошены примерно по 1,5 тыс. человек). Поэтому я не считаю эти данные абсолютно надежными и адекватными для анализа внутрирегиональных структурных различий. Тем не менее, я также намерен воспользоваться этим же делением, хотя массив данных еще меньше, поскольку необходимые мне для разбора вопросы задавались нерегулярно, в отдельных месячных опросах, проходивших по технологии "Мониторинг" и "Экспресс". Сознвая всю их ограниченность, мы тем не менее полагаем, что полученные расхождения в ответах респондентов из разных регионов не случайны и могут дать определенное представление о региональных тенденциях развития. Сама задача накладывает рамки значимости интерпретации. Во

многих отношениях более надежными и эффективными (чем рассмотрение региональных различий) являются иные способы рассечения и рассмотрения социологического материала. Например, самыми результативными, как показал опыт работы ВЦИОМ, являются анализы различий по оси урбанизации и образования, а также межпоколенческие сопоставления. В ряде случаев хорошо "работают" сравнения ответов респондентов, относящихся к разным социальным позициям и статусам (как правило, на вопросы, не имеющие интегративного характера). Но для целей нашей конференции избран этот способ — межрегионального сопоставления. Поэтому мы можем трактовать соответствующие данные по регионам только как выражение фоновых, средовых, анонимно-диффузных, коллективных представлений, влияющих на артикуляцию групповых (тем более — индивидуальных) мнений, задающих общий тон для выражения тех или иных социальных и ценностных реакций. С ними соглашаются или не соглашаются, от них отталкиваются или учитывают, но единственно, что нельзя в отношении них утверждать, это то, что они нейтральны в отношении специфических мнений или взглядов. Они задают уровень символической коллективной интеграции ("идентичности") и только в таком качестве принимаются мной к рассмотрению.

Как мне представляется, события и перемены последних лет, вызвавшие сильнейшие напряжения и болезненные оценки состояния общества, затронули именно этот уровень. Речь не может идти о значительном росте нищеты или катастрофическом положении дел в области массового потребления¹. Систематические замеры показывают, что мы можем говорить об очень медленном, но устойчивом росте потребления, по крайней мере, об отсутствии снижения массового жизненного уровня. Причина депрессивного или даже фрустрированного состояния общества заключается в резком изменении уровня запросов, системы соотнесения, связанного с тем, что закрытое общество оказалось перед лицом и новых стандартов жизни, и новых моделей социального достижения, и соответственно, новых критериев самооценки и идентификации, которым соответствовала лишь относительно небольшая часть общества.

Концентрированным выражением этого оказываются представления о "нормальности" жизни. Известно, что "нормальная жизнь" — это совокупность предметных представлений, воплощающих уровень запросов (групповых или индивидуальных). Именно в этой плоскости произошли наиболее серьезные изменения. "Что такое, по Вашему мнению, жить нормально?" — 59% полагают, что "нормально жить" означает жить так, как живут более обеспеченные

¹ См.: Гудков Л.Д., Пчелина М.В. Бедность и занятость. Негативный фон переходного общества // Экономические и социальные перемены мониторинг общественного мнения. 1995. № 6. С. 31—42.

(в сравнении с респондентом) люди (причем 22% — так, как живут "обеспеченные" за границей). Лишь 3% респондентов утверждают, что нормально живут именно они, и 28% *заявили*, что нормальная жизнь была у них лет 10—15 назад (т.е. до перестройки).

В чем же заключается "неправильность, ненормальность нынешней жизни?" В октябре 1995 г. ответы респондентов на вопрос: "Что заставляет Вас думать, что дела в стране идут не так, как надо, в неправильном направлении?" распределились следующим образом. Всего 27% заявили, что "стало труднее жить"; 24% — "нет уверенности в завтрашнем дне"; почти столько же (21%) ответили, что "дело не столько в жизненных трудностях, сколько в отношении к людям, которые честно работали всю жизнь". Кроме этого, каждый десятый утверждал, что "у нас отняли веру в будущее, в идеалы, нам не к чему стремиться", а также — что "больно и обидно за унижение великой страны" (9%). Иначе говоря, на ухудшение качества жизни, снижение жизненного уровня указывают примерно 1/4 опрошенных, и эти показатели мало меняются по регионам. Эта доля людей с падающим уровнем потребления повторяется и во многих других исследованиях, проведенных во ВЦИОМ. Прочие же категории опрошенных на первый план ставят скорее символические и ценностные моменты.

Такое заключение подтверждается и другими диагностическими вопросами. Например, респондентам (регулярно на протяжении последних лет) предлагалось назвать наиболее острые проблемы общества, те, которые беспокоят их в наибольшей степени. Если в 1989 г. опрошенные в первую очередь называли вполне конкретные проблемы повседневного существования, такие как пустые прилавки, острый дефицит продовольственных товаров, товаров повседневного потребления, трудности с жильем, ограничения на возможности заработка и другие, то после резкого сокращения дефицита с началом гайдаровских реформ на первый план начинают выступать общие социальные проблемы и тревоги, затрагивающие уже не столько уровень непосредственного семейного или индивидуального повседневного существования (доступного персональной практической оценке), сколько символической коллективности и ее модусов — "стабильности", "порядка" и т.п. Иначе говоря, затронутым оказался слой представлений, обеспечивающий систему "советской" идентичности, воспроизводимый в первую очередь масс-коммуникативными средствами, тогда как уровень "повседневной", знакомой и привычной — "низовой", "частной", "семейной" и т.п. идентификации, как показывают

данные наших исследований, остался не просто целым, но даже усилился в своей значимости. Именно масс-коммуникативные структуры идентичности обеспечили болезненные реакции на изменения. Их надлом отзывается в ностальгических ответах и потребностях в "порядке", который выбирают ("Что важнее сегодня для российского общества — демократия или порядок?") 76% опрошенных.

Так, в ноябре 1995 г. иерархия наиболее острых проблем общества (приводится семь названных "тревог", собравших наибольшее число ответов) выглядела следующим образом (в % к числу опрошенных, N=1600):

Проблема	В %
Преступность	48,3
Гражданская война	35,3
Массовая безработица	28,7
Неуправляемая инфляция	27,8
Остановка промышленного производства	20,9
Крах гос системы здравоохранения	19,2
Голод	18,0

Приведем распределение по регионам ответов респондентов, касающихся безработицы, инфляции и остановки производства, т.е. тех оценок, которые могли, хотя бы в какой-то степени, опираться на собственный опыт респондентов:

Безработица	В%	Инфляция	В%	Остановка производства	В%
Восточная Сибирь	50	Поволжье	30	Волго-Вятский	30
С -Петербург	47	Центральный	35	Дальний Восток	25
Дальний Восток	37	Север и Северо-Запад	29	Север и Северо-Запад	24
Центральный	35	Дальний Восток	29	С -Петербург	24
Волго-Вятский	35	Восточная Сибирь	28	Москва	22
Центрально-Черноземный	34	Центрально-Черноземный	27	Центральный	22
Север и Северо-Запад	34	Волго-Вятский	26	Западная Сибирь	21
Урал	25	Западная Сибирь	26	Восточная Сибирь	20
Северный Кавказ	24	Москва	26	Центрально-Черноземный	17
Западная Сибирь	18	Урал	25	Северный Кавказ	16
Поволжье	12	Северный Кавказ	20	Урал	16
		С -Петербург	15		

Изменение прежней системы референций и появление новых стандартов оценки массовым рутинным сознанием воспринималась, если и не как крах социального порядка, то все же как очень серьезное потрясение всего строя или уклада жизни. Реакцией на это и стали проявления, которые можно назвать "Ressentiment", если воспользоваться выражением, принадлежащим еще Ф.Ницше, т.е. массовые

всплески ярости, возмущения, зависти к "сильным", добившимся успеха, авторитета, влияния, богатства и т.п. Собственная неспособность (я отвлекаюсь от "объективных" причин и факторов этой неспособности) трансформируется в представления о несправедливости и незаконности быстрого подъема новых групп, более того — нелегитимности самой власти, допустившей или способствовавшей подобному подъему. В этом, на мой взгляд, лежат социально-психологические корни той массово-распространенной веры во всеобщую коррумпированность нынешней власти, неудержимый рост преступности, моральной "испорченности" депутатского корпуса, члены которого заняты исключительно лишь эгоистическими интересами обеспечения собственного благополучия. Дело, разумеется, не в том, что оснований для подобных подозрений нет, а в чрезмерном значении, придаваемом этим обстоятельствам патерналистским сознанием, испытывающим острый кризис определенности. Именно этот момент становится сегодня определяющим в оценке перспектив собственного существования (относительно прошлой жизни).

Согласны ли Вы с тем, что было бы лучше, если бы все оставалось так, как было до начала "перестройки"? (В %, сумма ответов "полностью согласен" и "скорее согласен"):

Район	В %
Волго-Вятский	76
Восточно-Сибирский	68
Центрально-Черноземный	64
Северный Кавказ	59
Западная Сибирь	58
Центральный	56
Урал	54
Север и Северо-Запад	51
Дальний Восток	51
С -Петербург	40
Москва	39
Поволжье	38

Сравним также распределение ответов на три типовых вопроса "Как бы Вы оценили сегодняшнее материальное положение своей семьи по сравнению с большинством окружающих Вас семей?"

"А каким оно было 5 лет назад, в 1990 г., по сравнению с большинством окружающих Вас семей?"

"А каким оно будет через 5 лет, в 2000 г.?"

86% опрошенных считают, что 5 лет назад у них было такое же материальное положение (или даже лучше), как и у большинства окружающих их людей. Сегодня же аналогичные суждения высказывают

лишь 65% опрошенных ("...такое же или лучше, как у большинства знакомых им семей"). Однако всего 32% считают, что через 5 лет оно будет таким же или лучше. Это означает не просто ретро-ориентированность ("все лучшее в прошлом"), но скорее утрату определенности и уверенности в ближайшем будущем, потрясение неизбежности социального порядка, т.е. самой организованности и определенности базовых представлений о социальной реальности, своих возможностях и значимости, до сих пор действовавших мотивах действия. Региональные различия в ответах на эти вопросы выглядят следующим образом (в % к числу опрошенных):

<i>Сейчас "хуже", чем было пять лет назад</i>		<i>Раньше было "лучше", чем сейчас</i>	
Восточная Сибирь	41	Восточная Сибирь	42
Дальний Восток	39	Дальний Восток	41
Центрально-Черноземный	39	Север и Северо-Западный	40
Западная Сибирь	38	Западная Сибирь	39
Центральный	35	Волго-Вятский	38
Волго-Вятский	33	Центрально-Черноземный	38
Поволжье	31	Москва	35
С -Петербург	29	Урал	34
Урал	29	Поволжье	27
Север и Северо-Западный	27	Центральный	25
Северный Кавказ	25	Северный Кавказ	21
Москва	23	С -Петербург	17
<i>Сейчас "лучше", чем было в 1990 г</i>		<i>Будет "хуже", чем сейчас</i>	
С -Петербург	19	Дальний Восток	31
Москва	18	Северный Кавказ	31
Западная Сибирь	16	Восточная Сибирь	30
Север и Северо-Запад	40	Урал	22
Северный Кавказ	12	Западная Сибирь	21
Поволжье	11	Центральный	20
Урал	11	С -Петербург	19
Центральный	10	Москва	18
Волго-Вятский	9	Волго-Вятский	17
Восточная Сибирь	5	Центрально-Черноземный	16
Дальний Восток	4	Поволжье	15
Центрально-Черноземный	3	Север и Северо-Западный	11

Как видим, заметно выделяются "дотационные", депрессивные регионы (Восточная Сибирь, Дальний Восток, Центрально-Черноземный, Север и Северо-Запад) и столицы, где положение оценивается гораздо более оптимистично. В столицах потенциал многообразия выше, трансформации и адаптации к реформам идут легче

и быстрее; уровень напряженности гораздо ниже. Напротив, в отдаленных провинциях, где наибольший удельный вес малгородского населения, где сохраняется доминирование распределительных структур и присущий им характер социальной организации, привычный советский патернализм, сопровождаемый социальной пассивностью и недовольством, там ситуация наиболее тяжелая.

И именно в этих регионах сильнее ощущается аккумуляция напряжений, трансформирующихся в идеологические фобии, содержащие перенос и переворачивание собственной патерналистской зависимости в тотальную подозрительность, представления о заговорах против России или "простых людей", всеобщей коррупции и т.п. "Обобщенный другой" (доминирующий тип коллективно-властных представлений и зависимостей в патерналистско-распределительной, уравнительно-бюрократической организованности жизни) приобретает чисто негативный характер по мере деэтизации социального существования. Центр, Москва, столицы, Запад становятся не только источником нового социального многообразия, но и фокусом амбивалентных соотношений — притяжения=отталкивания. В связи с этим респондентам задавались вопросы: "В какой мере Вы согласны с суждением, что Запад в действительности хочет превратить Россию в колонию — источник сырья и дешевой рабочей силы?" и "В какой мере Вы согласны с суждением, что Запад пытается привести Россию к обнищанию и распаду?"

*Региональное распределение коллективных фобий
(варианты ответов — "полностью согласен" и "скорее согласен";
в % к числу опрошенных; мониторинг, январь 1995 г., N=1989).*

Восточная Сибирь	35	Восточная Сибирь	36
Урал	35	Северо-Западный	32
Северо-Западный	34	Урал	32
Поволжье	34	Центрально-Черноземный	31
Дальний Восток	32	Поволжье	30
Центрально-Черноземный	32	Дальний Восток	30
Северный Кавказ	30	Волго-Вятский	27
Север	29	Северный Кавказ	27
Москва и С-Петербург	27	Север	26
Западная Сибирь	26	Западная Сибирь	25
Волго-Вятский	26	Москва и С -Петербург	24
Центральный	24	Центральный	22

Однако, отметим, что подобные фобии, подозрительность, подпитывающие старые идеологические клише, уже не способны ни обеспечить значительную социально-политическую мобилизацию, ни канализироваться в массовую низовую этническую враждебность к чужакам,

"инородцам". Результаты опросов показывают, что нет статистически значимых зависимостей между сохраняющимися напряжениями социально-экономического, социально-политического характера и ростом великодержавных настроений или ксенофобии. Более того, эти напряжения оказываются не связанными с низовыми рутинно-идентификационными представлениями, затрагивающими уровень нерационализированных этнических стереотипов. Распределение общей массы ксенофобии по регионам (суммы негативных установок в отношении представителей таких этнонациональных групп, как азербайджанцы, армяне, евреи, узбеки, цыгане, чеченцы, эстонцы и др.), не воспроизводит описанную выше последовательность расположения "депрессивных" регионов. Отчасти об этом я уже говорил на прошлогоднем симпозиуме, подчеркивая, что специфика русского национализма не дает оснований опасаться политической консолидации и мобилизации русского нацизма и радикального национализма, что эти идеологии могут сохранять свое значение лишь в качестве компенсаторных рассуждений или формальной политической риторики, подчиненной иным политическим интересам и целям, в первую очередь — дискредитации нынешних властей. (Этот вывод подтвердился и в ходе прошедших 17 декабря 1995 г. парламентских выборов) Но и материалы наших опросов говорят об этом. Приведу данные, свидетельствующие о том, что готовность к традиционной советской мобилизации ("готовность воевать за Россию"), отличающаяся сегодня крайне низким уровнем в принципе, не совпадает с характером распределения идентификационных напряжений по регионам (даже если учитывать, что мы имеем дело с декларативными реакциями респондентов). "В какой мере Вы согласны с тем, что мы должны быть готовы воевать за Россию, не задумываясь, права она или нет?" (варианты ответов: "полностью согласен" + "скорее согласен"):

Регион	в% к числу опрошенных
Волго-Вятский	24
Северо-Западный	22
Дальний Восток	17
Москва и С.-Петербург	15
Центральный	14
Северный Кавказ	12
Урал	12
Север	12
Западная Сибирь	9
Поволжье	9
Восточная Сибирь	8
Центрально-Черноземный	2

Депрессивные настроения, стойкая хроническая напряженность связана в первую очередь с утратой надежд и перспектив на будущее, обусловленное как социальными обстоятельствами (неразвитостью среды, рыночных институтов, которые могли бы вобрать в себя работающих, становящихся "избыточными" в госсекторе, инерцией доверия которых распределительная экономика продлевает свое существование), так и социально-культурными, определяющими трудовую мотивацию, предприимчивость и социальную активность индивида. Если сопоставить типы трудовой мотивации, характер запросов и представлений о том, сколько денег нужно человеку, чтобы жить "нормально", каковы представления о прожиточном минимуме и пр., с политическими ориентациями и электоральными установками, то довольно отчетливо проступают устойчивые корреляции между ограниченностью запросов и пассивной мотивацией к труду (предпочтения отдаются "небольшому, но гарантированному заработку", отсутствуют сильные aspirations и желание продвижения вверх и т.п.) и склонность к поддержке КПРФ. И, напротив, высокий уровень aspirations, готовность к мобильности, ориентации на достижение, высокие заработки (предпочтение отдается возможностям, пусть даже рискованных заработков, без гарантий на будущее или открытию своего дела) коррелируют с поддержкой реформистских и центристских партий (партий власти в особенности). Удельный вес "пассивной трудовой мотивации" в 4 с лишним раза выше в электорате коммунистов, чем у их противников. Достижительская мотивация "много работать — много получать", напротив, в 3 раза сильнее выражена у тех, кто поддерживает реформы и нынешнее руководство страны (при этом наблюдается существенно меньшая значимость собственно патерналистских ожиданий и зависимость от государства). Респонденты с таким типом трудовой мотивации в подавляющем большинстве (9/10 из них) уверены, что они смогут найти свое место в новой экономической системе, развивающейся в России. И, напротив, респонденты с пассивной мотивацией существенно чаще заявляют о том, что они не могут адаптироваться к новым условиям и рыночной экономике.

Понятно поэтому, что душевой доход в первом и втором случае резко различен: в первом — он в 2—2,3 раза выше среднего, во втором — на 20—30% ниже средних величин. Но и уровень запросов ("Сколько денег Вам нужно, чтобы жить по Вашим представлениям "нормально"?) у реформистски ориентированных респондентов, дающих позитивные оценки происходящему и ожидаемым изменениям, более чем в 1,5 раза выше, чем у коммунистов (если пересчитать в долларах США, то в ноябре—декабре прошлого года они составляли в пересчете на душевой доход в семье, соответственно, у первых — от 180 до 250 долл. и около 150 долл. — у вторых, при фактическом душевом доходе у первых — 65—110 долл., у вторых

— 51—76 долл.). Поэтому и голосование, и распределение ностальгических настроений отчетливо связано с симпатиями и поддержкой коммунистов. Логично было бы ожидать, что ретроориентации сильнее выражены у пожилых и низкообразованных людей, у которых ограничены не только ресурсы достижения (нет сил, квалификации), но и культурные, ценностные стандарты крайне невысоки. Едва ли кого из молодых сегодня прельстит прежний принудительно аскетический образ жизни, уравниловка во всех отношениях.

Таблица

Считаете ли Вы необходимым восстановление коммунистической системы? (Сумма ответов "полностью согласен" + "скорее согласен" = "да" и "скорее не согласен" + "совсем не согласен" = "нет"; Мониторинг, N=2426; январь 1996 г.)

Социально-демографические группы	Да	Нет	Затруднились с ответом
<i>Возраст</i>			
до 24 лет	20	77	3
25-39 лет	32	66	2
40-55 лет	36	60	4
старше 55 лет	56	41	3
<i>Образование</i>			
высшее	20	77	3
среднее	32	66	2
ниже среднего	52	45	3

Возможности многомерного анализа трудовой и достижительской мотивации в сочетании с политическими установками в пределах выделяемых нами регионов статистически ограничены объемами наших выборок, но, учитывая устойчивость этих зависимостей на уровне общероссийских выборок и их объединенных массивов, можно допустить, что показанные на этом уровне закономерности действуют и в регионах.